

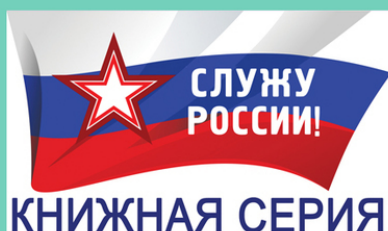

**Культурный центр
Вооруженных Сил**

**Военно-художественная
студия писателей**

НА СУВОРОВСКОЙ ПЛОЩАДИ

Коллектив авторов

На Суворовской площади

«Горизонт»

2012

ББК 84 (2Рос=Рус)

Коллектив авторов

На Суворовской площади / Коллектив авторов — «Горизонт»,
2012

ISBN 978-5-902405-74-0

В книгу «На Суворовской площади» вошли литературные произведения военно-патриотического звучания (поэзия, проза, драматургия, публицистика, литературная критика) сотрудников Военно-художественной студии писателей Культурного Центра Вооружённых Сил имени М.В. Фрунзе (до 2010 года – Военно-художественной студии писателей Министерства обороны РФ) как трудившихся ранее в Студии, так и работающих в ней сегодня: Владислава Артёмова, Виктора Верстакова, Владимира Силкина, Владимира Шигина, Игоря Витюка, Александра Савицкого, Александра Жукова, Юрия Бурылина, Александра Торопцева, Игоря Ядыкина, Александра Петрова и Михаила Силкина.

ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-902405-74-0

© Коллектив авторов, 2012

© Горизонт, 2012

Содержание

На суворовской площади	6
Владислав Артёмов, капитан в отставке	7
Экипажу АПЛ «Тигр»	8
Экипажу АПЛ «Волк»	9
Экипажу АПЛ «Гепард»	10
Экипажу АПЛ «Леопард»	11
Девочка и мальчик	12
Невеста	13
Баллада о капитане	14
Когда с закрытыми глазами...	16
Песня про казака	17
Да, родная, да	18
Виктор Верстаков, полковник запаса	19
Девятая рота	20
Аллах акбар	21
В королевских конюшнях	22
Война становится привычкой	24
Десант не знает	25
Из пламени Афганистана	26
Нас в горах не найдёт	27
Нюрка	29
Ах, пуля, конечно же, дура...	31
Русское море	32
Советник	33
Пустыня	34
Песенка капитана	36
Вернуться и жить	37
Впереди – Москва	38
Врач	39
Давай за тех, кто не вернулся	41
Десантная тельняшка	42
Бой за город богушевск	43
Полковник	45
Наташа	47
«В полку объявили тревогу...»	48
Владимир Силкин, полковник запаса	49
Бронежилет	50
«Война войной, обед по расписанию...»	51
Госпиталь	52
Кутаиси, 15 ноября 1990 года	53
Последний герой	54
Шальная пуля	55
В чечню	56
Война	57
Грозный	58
Мальчики	59

Севан, июль 1990 года	60
Я ещё не вернулся с войны	61
Вовка Чижов уезжает в чечню	62
«Встал, а осень под окном...»	63
Дик ду[1]	64
Одиночество	65
Сержант	66
Возвращение с войны	67
Вывод	68
Другу	69
Память	71
Телефонный разговор	72
Возвращение	73
Голоса	74
Контрактники	76
Посадка	77
Цхинвал	78
Блокпост	79
Владимир Шигин, капитан 1 ранга запаса	80
Триумф и драма подводника Грищенко (документальная повесть)	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

На Суворовской площади: Сборник произведений сотрудников Военно-художественной студии писателей

Составитель – Владимир Силкин

85-летию Культурного Центра Вооружённых Сил Российской Федерации имени М.В. Фрунзе и 200-летию Бородинской битвы посвящается

На суворовской площади

Исполнилось двенадцать лет со дня создания Военно-художественной студии писателей. Все эти годы она тесно взаимодействовала с отделами Культурного центра, выполняя основную задачу – дальнейшее улучшение качества военно-патриотического воспитания военнослужащих, гражданского персонала Вооружённых Сил РФ, офицеров кадра, запаса и в отставке, членов их семей.

В разное время здесь трудились известные военные писатели, которые и сегодня не порывают связь со Студией. Звонят, приходят, приносят свои новые стихи и романы об армии и флоте, воинах запаса. Многие их произведения опубликованы в военном литературном альманахе «Рать», выпускаемом Военно-художественной студией писателей, рекомендованы к печати и увидели свет в журналах и альманахах Москвы и России.

Это, в первую очередь, полковник запаса Виктор Верстаков, капитан в отставке Владислав Артёмов, полковник запаса Юрий Бурылин, в разные годы служившие и трудившиеся в нашем армейском учреждении культуры.

Свою лепту в сокровищницу военной культуры вносят сотрудники и сегодняшнего состава Студии.

Данная книга – первая попытка собрать под одной обложкой произведения тех, кто, начиная с 2000 года, пополнил военную литературу достойными внимания произведениями, дань уважения Культурному центру ВС РФ имени М.В.Фрунзе, отмечающему свой 85-летний юбилей.

Иван ЧУРСИН;

Начальник Культурного Центра Вооружённых Сил Российской Федерации имени М.В. Фрунзе, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, полковник запаса

Владислав Артёмов, капитан в отставке

Владислав Владимирович Артёмов – поэт, прозаик, публицист. Родился 17 мая 1954 года в с. Лысuxe Березинского района Минской области. Учился в Минском университете. В 1982 году окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Несколько лет работал в журналах «Литературная учёба» и «Москва». Автор ряда глубоких по содержанию и увлекательных книг стихотворений и прозы, в том числе «Воины. Сражения. Полководцы», «Русские полководцы», «Крымская война 1853 – 1856 гг.». Капитан в отставке. Лауреат Всероссийской литературной премии имени генералиссимуса А.В. Суворова. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени и медалью «За трудовую доблесть». Был консультантом (по вопросам литературы) Военно-художественной студии писателей.

Член Союза писателей России. В настоящее время – главный редактор журнала «Москва».

Экипажу АПЛ «Тигр»

Не терпит он наскоков злых и грубых,
Он «Тигр», он из породы – саблезубых!
Все вымерли, остался он один.
Бывал в огне, воде и в медных трубах,
Со дна морского вышел невредим!

Какие бы напасти ни настигли,
Товарищ, верь – броня крепка на «Тигре»,
Тигровой шкуры смерть не прогрызёт!
Он закалён, как хром-ванадий в тигле,
Короче, он орешек – ещё тот!

На глубине, чтоб льдами не затёрло,
Винты бурили воду, будто свёрла,
Высверливали путь ему впотьмах.
Экзотики хватало выше горла,
Особенно в тропических морях.

Там дуют то муссоны, то пассаты,
И флаги там, как черти полосаты,
Но главное, что много их, чертей!
Корветы, миноносцы и фрегаты,
Короче, супостаты всех мастей!

Страшают нас: «В тылу у вас разруха,
Предательство, бардак и нескладуха».
А мы ответим сдержанно: «Ну что ж.
Порядка нет, зато есть сила духа,
У моряков её не отберёшь!»

Мы постоим за честь родного флага,
Берёте вы числом, а мы – отвагой,
Привыкли драться через «не могу»!
Ну а прижмёт, мы вспомним про «Варяга»,
Короче... не останемся в долгу!

Экипажу АПЛ «Волк»

Матёрый зверь в охоте знает толк,
Нет для него ловушек и капканов,
Меня назвали страшным словом – «Волк»!
Но ведь и режем тоже не баранов,

Друзей у нас – по пальцам сосчитать,
А вот врагов так слишком даже густо,
Порою их непросто распознать,
Но чует их моё шестое чувство!

Волк не берёт барана за рога,
А рвёт кадык, чтоб мучился недолго.
До Волги доводили мы врага,
Чтоб понял враг, куда впадает Волга!

На глубине, в далёкой стороне
Идти во тьме – нелёгкое искусство,
Но если слух отказывает мне,
Ведёт меня моё шестое чувство!

Мы рвёмся вверх из ледяной воды,
Держись, моряк, хватай меня за холку,
Иван-царевич в случае беды
Совсем недаром обращался к Волку!

Я обдирал бока об острый лёд,
Мне боль сводила челюсти до хруста.
«Терпи!.. Как сводит, так и разведёт!» –
Шептало мне моё шестое чувство.

Врага бояться «Волку» не с руки,
Поскольку есть немаловажный фактор:
Нам разум дал железные клыки,
А вместо сердца – пламенный реактор!

В неравной схватке, в яростном бою,
Я устою, пусть всем им будет пусто,
Лишь оглянусь на Родину свою,
Она и есть моё шестое чувство!

Экипажу АПЛ «Гепард»

Моряк-подводник, с морем наша связь
Живёт у нас в сердцах не без причины,
Унылых не найдёте среди нас,
Ведь жизнь когда-то в море родилась,
И вырвалась на сушу из пучины!

На материк нахлынула волна,
И потому вполне мы допускаем,
Что наша кровь густа и солона,
Лишь потому, что в ней растворена
Дарующая жизнь – вода морская!

Мы, полземли оставив за спиной,
Пришли домой из дальнего похода.
О, знали б вы, как долог путь домой!
А где-то там, над нашей головой,
Атлантику терзала непогода.

«Гепард» у нас зверюга – ничего,
Гепарда против шерсти не погладишь.
Уж мы-то твёрдо знаем – кто кого,
Ошейник не накинешь на него,
Да и на цепь «Гепарда» не посадишь.

У моряка-подводника в судьбе
Бывало всё, и жизнь давала крены,
Но если смог и выстоял в борьбе,
Считай отныне смело, что тебе –
Беда по грудь и горе по колено!

Экипажу АПЛ «Леопард»

На заре Скалистый мы покинем,
«Дифферент три градуса». Ну что ж,
Ну-ка, штурман, сколько там под килем
Этих самых футов?.. Не поймёшь.

Припев:

Потому-то футы, дюймы, ярды
Перемерим мы на свой аршин.
Не ищите в стае леопарда,
«Леопард» охотится – один!

Он всплывёт почти под самым боком,
Отойди, дружок, посторонись.
Под водой мы ходим, как под Богом,
Лишь Ему доверили мы жизнь.

Припев.

Командир в речах не колебался,
Кратко морякам растолковал:
«Если друг, равняйте друга – с барсом,
Если враг, то мать его – шакал».

Припев.

«Леопард» уходит в одиночку,
И, когда «шакал» поднимет вой,
«Леопард» на нём поставит точку
Всей своей когтистой пятернёй.

Припев.

Девочка и мальчик

Жизнь опять заводит, как шарманщик,
Повторяет вновь она и вновь:
Жили-были девочка и мальчик,
И была у мальчика – любовь.

Расцветали яблони и вишни,
Улыбалась девочка цветам,
А его любовь, как третий лишний,
Шла и шла за ними по пятам.

Как поётся, так оно и было,
Не хочу прибавить ничего,
Дело в том, что девочка любила,
Но она любила – не его.

Не пойму, кого мне всё же жальче,
Ничего не ставлю ей в вину,
Вышел срок, и стал мужчиной мальчик,
И его забрали на войну.

Вы словам не очень-то и верьте,
Я и сам поверить был бы рад,
Говорят, любовь сильнее смерти,
Мало ли чего наговорят...

Он ушел, назад не обернулся,
И в бою он помнил про неё,
Потому под пулями не гнулся...
Мальчик, мальчик, горяшко моё!..

В тесный круг сходились горы хмуро,
Словно в драке – все на одного...
Что ж ты натворила, пуля-дура,
Почему ты выбрала его?

Этот мир насквозь пропитан болью...
Всё равно не плачь и не реви,
Мальчик знал, что умирать с любовью
Веселей, чем жить, – но без любви!

Невеста

Это было когда-то, а как будто вчера,
Полюбила солдата практикантка-сестра.

Он метался и бредил, и в бреду повторял:
«Мы с тобою уедем...» А куда – не сказал.

Как-то так, между делом, объяснился он с ней:
«Ты мне нравишься в белом, будь невестой моей...»

И без слов, с полужеста, понимала она –
Что такое невеста, да почти что... жена!

Мир наполнился эхом, как пустынный вокзал,
Он однажды уехал, а куда – не сказал...

И пошла по палате, ни жива ни мертва,
В ярко-белом халате практикантка-сестра.

И кричала в дежурке: «Он не умер, он спит...»
И пила из мензурки неразбавленный спирт.

Невпопад и не к месту всё твердила она:
«Что такое невеста? Да почти что... жена!»

Баллада о капитане

Любимая ни в чём не виновата...
Пётр Кошель

Он сам любил, и был любим когда-то,
Но только жизнь петлёю завилась,
И для него стал самой чёрной датой
Тот день, когда она – не дождалась...
В Атлантике искал он Атлантиду,
Но, видно, долго за морем гостил –
Жену родную выпустил из виду,
А вышло как-то так, что – упустил.

Как долог путь с рассвета до заката,
Крута его дорога, не поката,
Шарахнулись соседи от него,
Когда к пустому дому он вернулся...
Но устоял!.. И только чуть прогнулся.
Ссутулился, не более того...

И день, и ночь он помнит про утрату,
В календаре обвёл он эту дату,
И написал наивные слова:
«Любимая ни в чём не виновата,
Любимая ни в чём не виновата,
Хотя она, конечно, не права!»

Имущества – шинель да два бушлата,
Духи «шанель», что ей дарил когда-то,
Пустой и позабытый пузырьёк,
Ещё осталась белая косынка,
Которую она махала с пирса,
А он в ответ ей брал под козырёк.

Ему всё время чудится зловеще,
Что мир кругом изменою пропах...
Он видит, как она хватала вещи,
А вот любовь – забыла впопыхах.
Он кроет её матом-перематом,
Он бродит неприкаян и небрит,
Но на груди, у сердца, под бушлатом
Косынку её белую хранит.

Твердят ему: оставь ты эту муку,
Советуют: забудь её, змеюку!..
А он всё повторяет: «Ничего...»

Но рвёт печаль, и гнёт его кручина,
Не стонет он, поскольку он мужчина,
Лишь поседел, не более того...

Его уже давным-давно списали,
Его не раз наркологи спасали
И удивлялись: в чём душа жива?
И бредил он: «Поверьте мне, ребята,
Любимая ни в чём не виновата,
Пусть даже она трижды не права!»

Не спорьте с тем, во что он верит свято:
«Любимая ни в чём не виновата!..» –
Он затвердил как клятву, как зарок.
И у судьбы пощады он не просит,
Лишь иногда ладонь к глазам подносит,
Как будто бы... берёт под козырёк.

Когда с закрытыми глазами...

«Когда с закрытыми глазами
Перешагнул ты мир иной,
Такими долгими слезами
Рыдала осень над страной.

Так безутешно плакал ветер,
Такая билась в дом гроза,
Что обрывались двери с петель
И шевелились образа.

Твоих убийц уже не стало,
Их в ад дорога завела.
А я постель не расстилала,
Я у окна тебя ждала.

Куда ушёл ты, мой хороший,
Где задержался, милый мой?» –
«Я там, под белую порошей,
Я там, под глиной золотой.

И лес, и дол, и это поле
Сыпучим снегом занесло,
Но ты не плачь над нашей долей,
Теперь в ней всё уже светло».

Песня про казака

На той неделе, на страстной,
Дадут мне отпуск на три дня,
Я повезу его домой,
Встречайте, люди и родня...

А на Кубань дорога та
Кому полога, мне – крута,
И третьи сутки ливень льёт.
Так открывайте ж ворота,

Беда в калитку не пройдёт.
Не голоси над ним, сестра,
Слёз не любил товарищ мой,
Он спит с утра, с позавчера...

Ты не смущай его покой.
Ты не кричи над ним, жена,
И казака не укоряй,
Ведь не его же в том вина,

Что по стране идёт война,
Что хлещет кровушка за край.
Я буду думать про него,
Над чаркой голову склоня,

О том, что больше никого
На свете нету у меня...
Подходит ветер под окно
И молча в горницу глядит,

Да что-то в горнице темно,
Не веселит меня вино,
А только душу бередит.
На той неделе, на страстной...

Да, родная, да

Вид из нашего окна
Тот же, что всегда.
Милый мой, была весна?..
Да, родная, да.

Месяц на небе светил,
Таяла звезда,
Как же ты меня любил!..
Да, родная, да.

Под окном переплелись
Мак и резеда.
Как мы в верности клялись!..
Да, родная, да.

Хлынул ливень ледяной,
Грянула беда,
Ты уходишь, милый мой...
Да, родная, да.

Отшумит, отплачет дождь,
И тогда, мой свет,
Ты опять ко мне придёшь...
Да, родная, да...

Виктор Верстаков, полковник запаса

Виктор Глебович Верстаков родился 20 декабря 1951 года в семье офицера-фронтовика. После окончания Военно-инженерной академии имени Ф. Дзержинского служил на подземном объекте в Подмосковье, затем был переведён в военный отдел газеты «Правда». Неоднократно выезжал в «горячие точки», включая Афганистан и Чечню, награждён медалью «За боевые заслуги» и орденом Почёта с формулировкой «За достойное выполнение интернационального и служебного долга в Республике Афганистан». Был начальником Военно-художественной студии писателей. После увольнения в запас работал в Студии редактором. Лауреат литературных премий имени Б. Полевого, А. Твардовского, К. Симонова, А. Платонова, М. Лермонтова, И. Бунина, «Традиция» и ряда других.

Автор пятнадцати книг стихов, прозы и публицистики, посвящённых героизму и быту советских и российских воинов. Полковник запаса, член Правления Союза писателей России. Живёт в Москве.

Девятая рота

Ещё на границе и дальше границы
стоят в ожидании наши полки,
а там, на подходе к афганской столице,
девятая рота примкнула штыки.

Девятая рота сдала партбилеты,
из памяти вычеркнула имена.
Ведь если затянется бой до рассвета,
то не было роты, приснилась она...

Войну мы тогда называли работа,
а всё же она оставалась войной.
Идёт по Кабулу девятая рота,
и нет никого у неё за спиной.

Пуškai коротка её бронеколонна,
последней ходившая в мирном строю, -
девятая рота сбивает заслоны
в безвестном декабрьском первом бою.

Прости же, девятая рота, отставших:
такая уж служба, таков был приказ.
Но завтра зачислят на должности павших
в девятую роту кого-то из нас.

Войну мы опять называем работа,
а всё же она остаётся войной.
Идёт по России девятая рота,
и нет никого у неё за спиной...

Аллах акбар

Пылает город Кандагар,
живым уйти нельзя.
И всё-таки Аллах акбар,
Аллах акбар, друзья.

Мне было тошно в жизни той,
я жить, как все, не мог.
Простился с верною женой:
Аллах акбар, дружок.

И над могилою отца
заплакал наконец:
твой путь пройду я до конца,
Аллах акбар, отец.

Аллах акбар! Горит песок,
и рушится скала,
и очередь наискосок
дорогу перешла.

Аллах акбар! Грохочет склон,
и перебит дозор.
Веди ж в атаку батальон,
Аллах акбар, майор.

Вы слышите, как мы поём
там, в цинковых гробах?
Ты, видишь ли, как мы идём,
мы не свернём, Аллах!

А если кто-нибудь живым
вернётся в Кандагар,
его мы, может быть, простим:
ему – Аллах акбар...

В королевских конюшнях

В королевских конюшнях
метра нет для коня.
Медсестра раскладушку
принесла для меня.

Очень трудно голубке
в коридоре, где сплошь
встык обрубком к обрубку
полегла молодёжь.

Отыскала местечко
в самом дальнем углу,
где десантник навечно
задремал на полу.

Унесли бедолагу,
положили меня.
Я отсюда ни шагу,
я спокойней коня.

Ведь от ног до макушки
весь я гипсовым стал,
Мне не надо подушки,
разве что пьедестал...

Медсестра, медсестричка,
что ж ты слезоньки льёшь?
Как же ты без привычки
здесь, в конюшнях, живёшь?

В королевских конюшнях,
в госпитальном чаду,
в наркотичном, спиртушном,
матерщинном бреду.

Если чудо случится,
если снова срастусь, —
дай свой адрес, сестрица,
может быть, пригожусь.

Ну а коль не воскресну,
всё равно хоть часок
проживу, на чудесный
поглядев адресок.

В королевских конюшнях
метра нет для коня.
Медсестра мою душу
унесла от меня.

Война становится привычкой (На перевале)

Война становится привычкой,
опять по кружкам спирт разлит,
опять хохочет медсестричка
и режет сало замполит.

А над палаточным брезентом
свистят то ветры, то свинец.
Жизнь, словно кадры киноленты,
дала картинку наконец.

О чём задумался, начштаба,
какие въявь увидел сны?
Откуда спирт, откуда баба?
Спроси об этом у войны.

А хорошо сестра хохочет
от медицинского вина.
Она любви давно не хочет,
ей в душу глянула война.

Эй, замполит, плесни помалу,
теперь за Родину пора...
Нам не спуститься с перевала,
который взяли мы вчера.

Десант не знает

Десант не знает, куда проложен
в полётных картах его маршрут.
Десант внезапен, как кара Божья,
непредсказуем, как Страшный суд.

Хоть за три моря, хоть за три горя,
хоть с ветром споря, а хоть с огнём,
взлетает вскоре, со смертью в ссоре,
десант, не надо грустить о нём.

Нам пол-Европы вцепилось в стропы,
мы знаем тропы в любой стране.
В центральной, южной, в нейтральной, дружной
мы будем драться спина к спине.

А если маршал в тебя не верит,
а если дома живым не ждут,
за всё ответит случайный берег,
куда причалит твой парашют.

Из пламени Афганистана

Строчит пулемёт,
поднимается взвод,
но многие больше не встанут.
И к Родине сын никогда не придёт
из пламени Афганистана.

Здесь горы в снегах
и селенья в бегах,
горят кишлаки и дуканы.
И выпустит вряд ли неверных Аллах
из пламени Афганистана.

Придёт письмецо,
ты закроешь лицо,
но нет никакого обмана...
Надень же на левую руку кольцо
из пламени Афганистана.

Но год или два,
и ты вспомнишь едва
любви не смертельные раны.
я сделаю всё, чтоб ты вышла жива
из пламени Афганистана.

Нас в горах не найдёт

Нас в горах не найдёт
почтовой самолёт,
и письмо от тебя
до меня не дойдёт.

Посветлеют снега,
встанут стены огня.
Будет бить ДШКа
из ущелья в меня.

Будет бить ДШКа,
будет жизнь коротка,
может быть, у меня,
может быть, у стрелка...

Нас в горах не найдёт
даже радиосвязь.
С безымянных высот
лупят в нас, не таясь.

Поднимаемся в рост,
отвечаем огнём,
между огненных звёзд
по Вселенной идём.

И краснеют снега,
и дробится скала.
Смерть в горах дорога –
жизнь такой не была.

Нас в горах не найдёт
запоздавший приказ,
и никто не придёт
и не выручит нас.

Погибает десант,
погибает навек.
...Погодите, я сам,
это – мой человек,

это мой ДШКа,
это мой разговор,
я дойду до стрелка,
он не спустится с гор...

Нас засыплет метель,
нас завалит скала.
Смерть мягка, как постель,
жизнь такой не была.

Мы в объятьях сплелись,
мы навеки родня.
Пусть продолжится жизнь
без него и меня.

Нюрка

Плачет Нюрка, живая душа,
слёзы с кровью смешались на лапах.
Ах, как Нюрка была хороша –
самый тоненький чуяла запах.

Плачет Нюрка, а птица летит,
боевая железная птица.
Плачет Нюрка, себе не простит.
Но ведь плачет. И всё ей простится.

Гладит Нюрку родная рука.
Ей лизнуть бы хозяйскую руку:
так знакома она, так легка,
обречённая Нюркой на муку.

Вертолётный врезается пол
в иссечённое Нюркино тело.
... Сотню раз она чуяла тол,
а в сто первый – чуть-чуть не успела.

По заливку прошёл холодок,
когда запахом сбоку пахнуло,
но на тонкий стальной проводок
по расщелине лапа скользнула.

И взметнулся огонь из камней,
и запахло железом калёным,
и хозяин, идущий за ней,
опустился на землю со стоном.

И ползла к нему Нюрка, ползла,
и лизала его, и лизала,
и хрипела – на помощь звала,
и глазами всю боль рассказала.

Подбежали к сапёру друзья,
обмотали бинтами сапёра.
Он сказал: «Мне без Нюрки нельзя». –
«Нет, – сказали ему. Это горы...»

Вертолёт прилетел поутру,
их вдвоём погрузили в машину.
«Ты не плачь, Нюрка, я не умру,
ты не плачь, я тебя не покину».

Но плачет Нюрка, живая душа...

Ах, пуля, конечно же, дура...

Ах, пуля, конечно же, дура,
но это ещё ничего...
Пьёт штабс-капитан из главпура
с корнетом из Войск ПВО.

Кремлёвские звёзды в оконце
опять обратились в орлов,
восходит трёхцветное солнце
из красных, советских углов.

В музейном Успенском соборе
гремит литургия опять...
И значит, за Чёрное море
нам скоро пора отплывать.

Сбежится с окраин Союза
орда голопузых господ,
стреляя в осевший от груза
ооновский наш теплоход.

А впрочем, куда торопиться,
товарищи штабс- и корнет?
Ещё мы успеем напиться
и в землю зарыть партбилет...

Русское море

Нам опять уходить в наше Русское море
из неправой страны, что Отчизной была.
Нам опять поднимать в одиноком просторе
на грот-стенгах несдавшиеся выпела.

Нам опять вспоминать скалы русского Крыма,
Севастопольский рейд и Малахов курган.
Нам опять объяснять то, что необъяснимо,
и сквозь слёзы глядеть в Мировой океан.

Вот когда мы поймём наших прадедов горе.
Спорить с волею Божьей и мы не смогли.
Раз в три четверти века по Русскому морю
из России уходят её корабли.

Советник

Он сядет на поезд хороший,
уедет служить в Ленинград.
Он хочет не думать о прошлом,
как года четыре назад.

Не спит от колесного стука,
хоть на ночь попил не чайку.
В окошко уставился Жуков –
советник в афганском полку.

Он помнит, он помнит ту дату,
когда в роковом декабре
в полку взбунтовались солдаты
и ждали его на дворе.

И вышел военный советник,
небрежно ремень теребя,
а там под ремнём пистолетик –
девятый патрон для себя.

Глаза опускали сарбазы
и пятились по одному:
советник страшнее приказа,
они подчинились ему.

Своим пистолетиком малым
сарбазов погнал он вперёд –
туда, где за каждым дувалом
мятежный строчил пулемёт.

И шли, пригибаясь от страха,
судьбу проклинали, но шли:
советник страшнее Аллаха,
когда он из русской земли.

Так что ж ты, советник, не весел
в экспрессе «Москва – Ленинград»?
Мир тот же, из крови и песен,
как года четыре назад.

Не ты уезжаешь в разлуку,
а мы с тобой разлучены...
Спи, Виктор Дмитриевич Жуков,
советник Советской страны.

Пустыня

Опять жара за шестьдесят,
пески взметнулись и висят.
И лезешь в бронетранспортёр
как в полыхающий костёр,
выхватывая из огня
боекомплект шестого дня.
А сколько их ещё –
спроси пустыню.

Шесть дней назад
(сказал комбат)
разведка видела отряд:
прёт от границы напрямиком,
наверно, коротко знаком
с оазисами на пути.
И мы должны его найти.
А сколько их ещё –
спроси пустыню.

Гудят вертушки день и ночь,
они хотели б нам помочь,
да разглядишь ли свысока
среди проклятого песка,
где разбежались и легли
десяток тех, что ближе шли.
А сколько их ещё –
спроси пустыню.

Во флягах кончилась вода –
подбросят небом, не беда.
Беда, что бьют из кишлаков:
они чужие средь песков,
там богатеи правят всласть,
плевать им на Кабул и власть.
И сколько их ещё –
спроси пустыню.

Шесть дней в песках искали тень,
седьмой удачный выпал день:
подул нам в лица наконец
не тёплый ветер, а свинец –
с бархана, с гребня, с бугорка
ударили три ДШКа.
А сколько их ещё –
спроси пустыню.

Пускай под семьдесят жара,
сегодня лучше, чем вчера.
Два взвода двинуты в обход,
их прикрывает третий взвод,
четвертый с пятым – на заслон,
гранатометный взвод – на склон.
А сколько их ещё –
спроси пустыню.

Прошла минута или час,
какая разница для нас,
когда окончен разговор,
и тащишь в бронетранспортёр,
перехвативши за приклад,
в тебя стрелявший автомат.
А сколько их ещё –
спроси пустыню!

Песенка капитана

Вот и весь служебный рост:
на погонах восемь звёзд,
а хожу все годы
в командирах взвода.

Я, меняя округа,
бил условного врага.
Но с годами чаще
враг был настоящий.

Я в Абхазии бывал,
в Приднестровье воевал,
я верхом на танке
ездил по Таганке.

Я стоял на рубеже,
спал со вшами в блиндаже,
я копал окопы
посреди Европы.

Мне давала ордена
удивлённая страна:
умный, мол, ворует,
а дурак – воюет.

Я не робок и не слаб,
я отнюдь не против баб,
но с моим окладом
им меня не надо.

Я под вечер или в ночь
выпить водочки не прочь:
это тоже дело,
если нет обстрела.

В общем, я такой, как вы
из Тамбова ли, Москвы, –
разве что контужен
и никому не нужен...

Вернуться и жить

А дома всё по-старому,
а в жизни всё по-новому.
Прошёлся бы бульварами,
да сапоги с подковами.

Весна ручьями бесится,
птенцы пищат под крышами,
двадцать четыре месяца
не виданы, не слышаны.

И за телеантеннами
такая даль спокойная,
как будто бы Вселенная
вовек не зналась с войнами.

Брат учит математику,
но оглянись зачем-нибудь –
военного солдатика
рисует на учебнике.

Мать пирогами занята,
кричит из кухни весело:
– Вот рада будет Таня-то,
а то уж нос повесила!

Глядишь в окно широкое
на блещущие лужицы.
Опять вокруг да около
воспоминанья кружатся.

Брат переходит к физике,
сопит – не получается...
Гвардейская дивизия
с героями прощается.

Гремят салюты вечные,
полки идут колоннами.
А жизнь-то бесконечная,
а слёзы-то солёные.

Мыть возится с опарою,
брат – с прозою Астафьева.
И Танечка с гитарою
поет на фотографии.

Впереди – Москва

Опять газетные посулы,
пустопорожние слова...
Но, возвращаясь из Кабула,
мы знали: впереди Москва.

Так предавать, как предавали –
из-за угла, исподтишка, –
другую армию едва ли
в любые предали б века.

Нас ненавидели за силу,
и не чужие, а «свои»,
толкая в братские могилы
и бесполезные бои.

А выживших ждала расплата
и обвинение в грехах,
в которых были виноваты
те, предававшие в верхах.

И всё же из Афганистана,
его огнём закалены,
назло измене и обману
вернулись воины страны.

В демократической столице
враги добить нас не могли,
пока бессчётные границы
меж братьями не провели.

Вот-вот обрушится держава,
уже пылают города...
Но армия имеет право
стать Божьей карою тогда.

Врач

Переезжаем Саланг,
смотрим и влево и вправо:
то на обочине – танк,
то под горою – застава.

Ветер порывами бьёт.
Мы не торопимся, чтобы
не проморгать гололёд
и не заехать в сугробы.

К этому часу уже
заночевали колонны,
сгрудились, как в гараже,
дула направив на склоны.

Всё изменилось внизу —
трасса, природа, погода.
Мчим из метели в грозу,
рухнувшую с небосвода.

Молнии блещут из туч,
гром сотрясает равнину.
Даже прожекторный луч
сузился наполовину.

Воздух пропитан насквозь
предошущеньем тревоги,
гнётся растущее вкось
дерево возле дороги.

Но разгорается вдруг
заревое встречного света...
Что тебя бросило, друг,
в гонку опасную эту?

Мы бронегруппа почти –
два боевых бэтээра.
Здесь в одиночку идти –
самая крайняя мера.

Вправо, товарищ, смотри,
справа за вспышкой вспышка!
Ну, подожди, не гори,
мы уже близко, мы близко.

Ты поработай в ответ –
духи не любят работы.
Выключи, родненький, свет.
Что же ты медлишь, ну что ты!..

Вырвался из-под огня
Броневичок с капитаном.
«Похоронили меня?
Рано, товарищи, рано!»

Встал на броне во весь рост,
вытянул руку с часами:
«Еду к больному на пост,
а уж с засадой – вы сами.

Я, как вы поняли, врач,
вот и лечу, не стреляю.
Ладно, ребята, удач.
Всыпьте им, я умоляю.

“Скорая помощь”, гони!..»
Взвыли движки бэтэера
и кормовые огни
дымом окутало серым.

Та же гроза в небесах,
та же засада пред нами.
...Были б врачи на часах,
все остальное – мы сами!..

Давай за тех, кто не вернулся

Давай за тех, кто не вернулся,
кто стал частицей тишины,
кто лёг в горах и не проснулся
от необъявленной войны.

Давай, не чокаясь, ребята,
Давайте, молча и до дна
за офицера и солдата,
кого взяла к себе война.

Давайте вспомним поимённо
тех, с кем навеки сроднены,
кто был частицей батальона,
а стал частицей тишины.

Отставить не имеем права,
а только молча и до дна,
поскольку общая держава,
поскольку общая война...

Десантная тельняшка

Ведь это сердце, а не фляжка,
и не вода течёт, а кровь.
Спасай, десантная тельняшка,
дай силы, женская любовь.

В чужой земле, в нерусском небе
война следила день за днём,
как на солдатском горьком хлебе
мы выживали под огнём.

Атаки, рейды и подрывы,
стук пулеметов и сердец.
Но мы с тобой остались живы,
но мы вернулись наконец.

А если снова станет тяжко
и нас война догонит вновь, —
спасай, последняя тельняшка,
дай силы, первая любовь.

Бой за город богушевск (Рассказ отца)

«Командира убило утром
И нелепо, на первый взгляд:
Люк открыл на одну минуту –
И шальной подгадал снаряд.
Я тогда доложил по связи,
Принял роту, просился в бой.
Комполка запретил не сразу:
– А пехота пойдёт с тобой?
А пехота сидит в окопах,
Крепко ученная в бою,
У неё, у родимой, опыт:
Артиллерию ждёт свою.
Богушевск – невеликий город,
Деревянный, в один этаж,
По всему было видно: скоро
Обязательно будет наш.
В роще слышно: гремят составы
На железнодорожном узле.
Эх, ударить бы в лоб и справа!
Но пехота молчит в земле.
Два часа простояли в роще,
А потом я терпеть не смог:
По домам городским на ощупь
К огоньку бежал огонёк.
Поджигают! Ну что же, гады,
Это пламя и вас возьмёт.
А пехота пойдёт, раз надо...
– Рота, делай, как я. Вперёд!
Как влетели мы, что там было –
Не припомнить и не понять.
То ли пламя глаза слепило,
То ли были мы из огня.
Шесть взъярившихся «тридцатьчетвёрок»
Не жалели боезапас.
То ли мы занимали город,
То ли город врывался в нас.
И на станции у состава,
Не успевшего отойти,
Паровоз повалили набок
На грохочущие пути.
А потом пробил час пехоты,
И, захлёбываясь, спеша,
Затрещал вокруг, заработал
Наш отечественный ПППШ.

Бой распался на эпизоды,
Где мы выполнили свой долг.
Через день отвели на отдых
Наш отдельный танковый полк.
Но не мы одни воевали,
Не о ротных потерях речь.
Богусевск и без нас бы взяли,
Мы – всего лишь – не дали сжечь».

Полковник

Ларисе Барановой-Гонченко

Ничего, что я песню спою,
Одиночество ваше нарушу?
Это было в афганском краю
За высоким хребтом Гиндукуша.

Русский парень, пехотный боец
Потерялся в предместьях Герата.
Не нашли его, и наконец
Объявили погибшим солдата.

Нет, он выжил. Был ранен, пленён,
Перешёл в иноземную веру,
Позабыв, что рождением он
Православный и сын офицера.

А когда выходили войска
По предгорьям напротив Герата,
Доносился к ним издалека
Русский голос чужого солдата.

Он в динамик грозил, что Аллах
Покарает неверных в дороге,
Что погибнут в афганских горах
И колонны, и русские боги.

Доложили об этом в Кабул,
Из Кабула полковник приехал,
Встал на гребне, и горько вздохнул,
Услыхав дальний голос и эхо.

И сказал: «Это Ванька, мой сын.
Я родил его, я и в ответе».
И отправился в горы один,
И вернулся домой на рассвете.

Передал номерной автомат
Командиру походной колонны
И сказал, что предатель-солдат
Похоронен у Южного склона.

А себе он оставил чалму
С пистолетною смертною раной:
«Не нужна она больше ему,

Обойдется она без Ивана».

Я с полковником горькую пью
За погибших в горах Гиндукуша.
– Ничего, что я песню спою,
Одиночество Ваше нарушу?

Наташа

Война забывается, словно не наша,
А вовсе чужая была.
Но вспомнилась нынче дворняжка Наташа,
Что в Афганистане жила.

Она провожала, ждала и встречала
Колонны Шинданд – Кандагар.
И был удивителен нам поначалу
Собачий провидческий дар.

Гудели, дымили, дрожали машины,
Готовые тронуться в путь.
Наташка металась, Наташка спешила
Знакомые руки лизнуть.

И вдруг у какого-нибудь бензовоза
Садилась в дыму и в пыли
И громко скулила, и чистые слёзы
Из глаз её мутных текли.

Нет хуже дороги, чем до Кандагара:
Засады, фугасы, стрельба,
Сгоревшие тенты, разбитые фары
И взрыв бензовозов – судьба.

В Шинданде Наташка ещё до заставы
Встречала колонну и вновь
Скулила и плакать не переставала,
Что не обманула любовь.

«В полку объявили тревогу...»

В полку объявили тревогу.
Отправились мы на войну
За неправославного бога
И за неродную страну.

В нас били с вершин и со склонов,
Стреляли в упор и вдогон,
И скоро из трёх батальонов
Остался один батальон.

И всё-таки до перевала
Дошли мы в указанный час,
И дел натворили немало,
И вновь усмирили Кавказ.

Живые вернулись в санчасти,
Больницы и госпиталя,
А тех, кому не было счастья,
Укрыла чужая земля.

И новые русские парни,
Отцовскую помня вину,
Ждут в старенькой нашей казарме
Сигнала идти на войну.

Владимир Силкин, полковник запаса

Владимир Александрович Силкин родился 14 октября 1954 года в городе Рязьске Рязанской области. Окончил редакторское отделение Военно-политической академии. Более 32 лет прослужил в Вооружённых Силах в Белорусском, Сибирском, Дальневосточном военных округах, Южной группе войск, Главном управлении кадров МО СССР и РФ. Полковник запаса. С 2000 года по настоящее время – начальник Военно-художественной студии писателей Культурного центра Вооружённых Сил Российской Федерации им. М.В. Фрунзе. Секретарь Правления, председатель Комиссии по военно-художественной литературе Союза писателей России. Автор более 30 книг стихотворений, в том числе детских, эссе, песен, переводов.

Заслуженный работник культуры РФ, лауреат Государственной премии России, кандидат педагогических наук, кавалер ордена Почёта, Почётный гражданин г. Рязьска Рязанской области, главный редактор военного литературного альманаха «Рать».

Бронежилет

Я, как предок мой, в броне
Разъезжаю по войне.
В камуфляже, в каске,
Только в страшной сказке.

Где от пуль спасенья нет,
Где в цене бронежилет –
Современная кольчуга,
Да спина, да стойкость друга.

Лишь бы снайпер, целясь в нас,
Не ударил ниже глаз.
Проживу в бронежилете
Я сто лет на белом свете.

А закончится война,
Отстегнёт его жена,
Упадёт ко мне на грудь...
Ты, жена, не обессудь!

Тянет, тянет нас домой,
Ох, как тянет, боже мой!
Тянет, аж спасенья нет,
До земли бронежилет.

– Мой родной, не подведи! –
Сердце молится в груди.
Врос в Кавказ бронежилет.
Знать бы мне, на сколько лет.

«Война войной, обед по расписанию...»

Война войной, обед по расписанию...
И вот уже разносят термоса,
И вот уже ефрейтор Ванин Саня
На помощь призывает небеса.

– Побольше мяса ниспошли мне, Боже,
Даруй мне, Боже, в схватках сотни лет...
А Ванин Саня – это просто кожа,
Натянутая прочно на скелет.

Такие вот и числятся в проглотах,
У них всегда один несытый вид.
Он через день слизнёт обед за роту
И, роту прикрывая, устоит.

Госпиталь

– Что ж вы, доктор, не сумели справиться
С этой раной? Я вас не пойму!
Дома мамка у меня красавица!
Как теперь я мамку обниму?

Спит майор, устав от ампутации,
Спит, в руках испытывая зуд.
Он-то знает, скоро с операции
Вот таких, увечных, привезут.

Спит майор, не выпуская скальпеля,
Он привык не слышать на войне.
Капли крови, как снаряды, падают
В жуткой госпитальной тишине.

Кутаиси, 15 ноября 1990 года

Молчит водитель, стиснув зубы,
И я не трогаю его.
От Кутаиси до Цхалтубо
Он мне не скажет ничего.

Закат желтее мандарина,
И флаги Грузии вокруг,
Но мы пока ещё едины,
И я ему, надеюсь, друг.

Ещё бригада в Капитнари,
Нет жертв в десантном городке,
Но мы с тобой, грузинский парень,
Уже в далёком далеке.

Ещё всего случится много,
Но среди местной красоты,
Куда идёт сейчас дорога,
Не скажем точно я и ты.

Последний герой

В первых числах мая 2011 года СМИ сообщили о том, что в возрасте 110 лет скончался последний участник Первой мировой войны, итальянец. А 16 августа 2005 года ушёл из жизни ШОТА ШУРГАЯ, последний Герой Советского Союза, грузин.

Вот ведь жизнь пошла какая:
Разделила, развела.
Слышал, что Шоту Шургая
Смерть неожиданно забрала.

На повозку погрузила
Повезла к себе домой,
Но не знала, что грузина,
Но не знала, что Герой.

А ведь шла за ним по свету,
Где бы только ни бывал.
Шла, когда стране победу
Над фашистом добывал.

Шла сейчас, не чуя груза,
Шла, его перекрестив,
От Советского Союза
Часть Кавказа отломив.

Шла неслышно, как когда-то,
В город скорби и крестов,
Мимо ярких флагов НАТО,
Мимо чьих-то блокпостов.

Вот и в Грузии не стало
Ни Героя за Берлин.
От кремлёвской ниши Сталин
Честь отдал тебе, грузин.

Может, встретитесь когда-то
Там, где будет Божий суд,
Если только танки НАТО
По могилам не пройдут.

Шальная пуля

Две пули встретились и разошлись –
Одна под сердце, другая в высь.

И та, что в небо гулять пошла,
Шальной пулей в степи была.

В разгаре лета, в ночном бою
Сыскала пуля мишень свою.

Пробила сердце и будь здорова,
И нет солдата из-под Ростова.

А там, от сына письмо читая,
Взялась за сердце мать молодая.

Кусала губы, встав на колени,
Молясь в тот угол, где бились тени.

Сюда вот пуля зашла хозяйкой.
Глядь, кирзачи стоят, висит фуфайка.

Присела пуля тихонько рядом,
Кося по дому стыдливым взглядом.

Пришла свинцовой, ушла пунцовой
От тётки Тони от Кузнецовой.

Рыдая, пуля упала в грязь –
У жизни с пулей прямая связь.

В чечню

Из Архангельска в Чечню
Едут поездом мальчишки,
Про войну читают книжки
И про всякую фигню.

Долго ехать до Москвы,
А оттуда в город Грозный.
За окном стемнело, поздно
Говорить сержанту «вы».

Он и сам привык на «ты».
Где-нибудь в Урус-Мартане
На дыбы дорога встанет
И ему придут кранты.

Это будет, но поздней,
А пока резвится поезд,
И шахидка ладит пояс,
Чтобы сделать нам больней.

Война

Что ты мне светишь под ноги фонариком,
Что ты не дремлешь, луна,
Что освещаешь меня и напарника?
Это же наша война!

Дома и стены помогут, как водится,
Куст неказистый спасёт,
Если на мины пойдём, Богородица
Мимо тех мин пронесёт.

Женской любовью от смерти хранимые,
Снова увидим рассвет.
Жалко, что все-таки люди ранимые
И что бессмертия нет.

Грозный

После крови, после грязи
Всё наладится в стране
И на Северном Кавказе
Позабудут о войне.

Станут дети веселиться,
И поля вовсю цвести,
И Чеченская столица
Будет – глаз не отвести.

А пока что мины рвутся,
В каждый дом стучит беда.
И свои до смерти бьются
И уходят в никуда.

Двадцать первый век нескоро
Подойдёт еще к концу.
Растирует Грозный город
Кровь и слёзы по лицу.

Мальчики

Уходили мальчики на войну,
Уходили так же, как в старину:
Провожали мальчиков всем селом,
Провожали драться в горах со злом.
Но как Бог ни силился, ни берёг,
Возвратился только один из трёх.
Стал один из них сырою землей,
А второй из них стал пеплом-золой.
Поднимается и стонет зола,
Но без ног ей не дойти до села.
Только горы ей навстречу одни
И никак ей не уйти из Чечни.
У того же, кто вернулся живой,
Говорят, проблемы есть с головой.
Он блуждает целый день по селу,
Собирает, где увидит, золу.
Развевает ту золу над землёй.
Что-то есть там под землей и золой.

Севан, июль 1990 года

Едим шашлык, купаемся в Севане,
Полдневная теплынь и тишина.
А впереди печаль и расставанье,
Большая Карабахская война.

Свеча мерцает, снова День прощённый,
Друзья мои, да что ж все пули в нас...
Я думаю, а был ли ты крещённый,
А если был, то что же Бог не спас?

Я ещё не вернулся с войны

Я ещё не вернулся с войны-
Столько пуль выковыривать надо
Из души из моей и страны,
Материнского жуткого взгляда.

Я ещё не вернулся с войны,
По горам мои думы блуждают.
По-бандитски меня со спины
Волчьи дети ещё поджидают.

Я ещё не вернулся с войны,
Растворился в просторах Вселенной.
И не ведаю, сколько вины
На солдатах, доставшихся плену.

Я ещё не вернулся с войны,
Я лишь только с неё возвращаюсь.
Больше пули боюсь тишины,
Только с небом и Богом общаюсь.

Я ещё не вернулся с войны.
Это будет, наверно, не скоро.
Обелисками со стороны
Мрачно смотрят Кавказские горы.

Вовка Чижов уезжает в чечню

Вовка Чижов уезжает в Чечню,
Вовка Чижов обнимает родню.

Вот утонула в отцовской рука,
Вот из машины: «Ребята, пока!»

И повлажнели у Вовки глаза,
И побежало шоссе на Рязань.

Ряжск позади, впереди – Ханкала...
Долго же Вовку Россия ждала.

Он повоюет на этой войне
И возвратится домой на коне.

Через полгода вернётся сержант.
Ох, как девчонки тогда задрожат!

Как он отлюбит и как отопьёт –
Сразу за всех, кто домой не придёт.

...Вовка Чижов уезжает в Чечню.
Крепче не сыщешь в России броню.

«Встал, а осень под окном...»

Встал, а осень под окном,
Хоть и не было намёка.
В летнем модуле моём
От дождя намокли окна.

Все дороги развезло,
И на них танцуют листья.
Я не знал, что в этот год
Эту землю буду грызть я.

Через час начнётся бой,
Будет дождь за ворот литься.
Что начертано судьбой,
То, наверное, случится.

Может быть, возьму в прицел
Я того, кто в друга целил.
Я в боях остался цел,
А мы столько соли съели.

Выходили из огня,
Выходили на растяжки.
Друг в горах спасал меня,
Друг поил меня из фляжки.

Не спасла его броня,
Не помог житейский опыт...
Долго ж целится в меня,
Хмурый снайпер из окопа.

Дик ду¹

Бой в двухтысячном году:
Горы – речка – горы...
Всё нормально, всё дик ду,
Занавесьте шторы.

Кожей чувствую, беду
Ворон мне пророчит.
Всё нормально, всё дик ду,
Всем спокойной ночи.

Кто-то целится в звезду
На моём погоне.
Всё нормально, всё дик ду,
Пуля не догонит.

Пуля – дура, я в бреду,
Покидают силы.
Всё нормально, всё дик ду,
Не такое было.

Утром я живой приду,
И увидят люди?
Всё нормально, всё дик ду –
Было, есть и будет.

¹ Дик ду (чечен.) – всё хорошо, всё отлично

Одиночество

Жену схоронил и невестку
И с внуком стал век вековать.
Но внуку прислали повестку,
И внуку пришлось воевать.

На счастье надеялся, строил
Беседку в саду и не кис.
Но внук стал посмертно Героем,
И жизнь потеряла свой смысл.

Он ладит у дома качели,
Едва шелохнётся весна...
А вот и грачи прилетели.
Какая быть может война?!

Сержант

Под ремень заправив китель,
На котором в ряд значки,
Мой сержант и мой учитель
Ходит с мелом у доски.

Он легко читает схемы,
Чертит карточки огня.
Суть военной теоремы
Раскрывает для меня.

Ведь, случись, на поле ратном,
Там, где выучка хранит,
Что осталось непонятым,
Он уже не объяснит.

Возвращение с войны

По деревне плач и стоны
Многочисленной родни –
У Нефёдова Антона
Сын вернулся из Чечни.

Он руки пожать не может,
Он молчит, а был остряк.
У отца мороз по коже –
Всё не верится никак,

Что ушла его кровинка,
Что остался он один,
Что лежит в гробу из цинка
Не познавший счастья сын.

И отец сутулит спину,
Долго силится понять,
Как вернувшегося сына
На прощание обнять.

Вывод

*В Афганистане погибло более 13 тысяч советских
военнослужащих*

Отвори, Господь, ворота,
Дай взглянуть за Гиндукуш,
Где идут за ротой рота,
Все тринадцать тысяч душ.

Где вползают на высоты,
На которых полегли,
Дети доблестной пехоты,
Сыновья моей земли.

Пусть посмотрят по-другому
На причины и приказ,
Почему товарищ Громов
Вывел армию без вас.

Дай, Господь, взглянуть на вывод
Тою горькою зимой.
Это ты ведь сделал вывод,
Что пора войскам домой.

Отвори, Господь, ворота,
Где-то там закончил бой
Лучший парень из пехоты,
Лучший в мире рядовой.

И ему поныне снится,
Как злопамятной зимой,
Громов движется к границе,
Уводя войска домой.

Отвори, Господь, ворота,
Дай солдату отдохнуть,
Пусть в лицо нам крикнет что-то
А потом – в обратный путь.

Другу

*Выпускникам НВВПОУ 1979 года,
павшим в боях за Родину*

Посёлок Камень-Рыболов
И ресторан с названием «Лотос».
Здесь достают из-под столов
И жадно пьют после полётов.

За крайний столик на троих,
Пока ещё компаний нету,
Я сел и выпил за своих
Ребят, разбросанных по свету.

Нас было всех почти что сто,
Но одного в тот день не стало.
На этом свете ни за что
Его сегодня не хватало.

Он сотню раз меня спасал,
Сто раз одалживал рубаху,
И умирал, и воскресал,
Казалось, что не ведал страха.

Но так случилось, не в бою,
В «наливнике» достала пуля...
Я и ему стакан налью,
Он рядом ёрзает на стуле.

Я кожей чувствую его,
Мне за судьбу его обидно.
Он выпьёт, это ничего,
Что за столом его не видно.

Он одинок в своей дали.
Не достаёт ему ночами
Родных берёз, родной земли,
Её веселья и печали.

Я представляю, как стакан
Берёт мой друг рукою слабой,
Придя ко мне издалека
Через года, через ухабы.

Он заглушает водкой боль,
Он тоже павших поминает,

Как мы, живые, меж собой,
Один погибших вспоминает.

Но вот я слышу, дверь скрипит,
И чувствую, что друг мой вышел.
А Камень-Рыболов не спит,
И Ханка² всё на свете слышит.

Ты приходи сюда ещё,
Мой друг, в бою не знавший страха,
Здесь ждут тебя моё плечо,
Моя душа, моя рубаха.

² Ханка – озеро в Приморском крае и Китае

Память

Ещё не все угасли в мире войны,
Ещё в сердца врезается свинец,
И до сих пор ночами беспокойно
Спит в грудь навывлет раненый отец.

Встаёт с постели, пьёт свои таблетки,
И долго курит, выйдя на балкон,
В который раз шагает из разведки
В полёгший в рукопашной батальон.

Ах, память, память... Невозможно это –
Всю жизнь свою солдатский крест нести.
Не спит отец, опять шагает где-то,
Боишься до Победы не дойти.

Телефонный разговор

– Это я! Ну как там, дома?

...Ну, конечно, это я!!!

Нет, я не с аэродрома...

Что ты, милая моя!

Берегусь! А как иначе...

Да, порой бывал горяч...

Мама, мама! Кто там плачет?

Что ты плачешь? Ну не плачь!

Как служу? Ты, знаешь, всяко...

Спим, не спим, встаём чуть свет...

Вот закончилась атака

И живых со мною нет...

Два часа нас с горки били...

Это мой последний бой...

Если бы не твой мобильник,

Не простился бы с тобой.

...Ну, какая телеграмма?!

Ладно... Если отобьюсь...

Всё, прощай! До встречи, мама!

Умираю! Не сдаюсь...

Возвращение

Тишину раздавили колёсами
На рассвете у пункта Герат,
И восточное солнце раскосое
Заиграло эмалью наград.

Но назначенный час возвращения
Превращается в траурный час.
У кого мы попросим прощения
За Отчизну, пославшую нас?

Кто сумеет и выскажет истину,
Кто решится упрёки принять?
Мы уходим с душою расхристанной,
На судьбу не отважась пенять.

Безмолвки грохочут зелёные,
Боевые знамёна кричат.
Мы уходим, войной опалённые,
Чтоб об этом стыдливо молчать.

Но за речкой, что кончится митингом,
Станем слёзы украдкой глотать,
И, как некогда гордые викинги,
Невернувшихся будем считать.

Голоса

Светлой памяти

всех не вернувшихся с войны

Обливается сердце кровью –
Золотым-золоты леса.
По бескрайнему Подмоскovie
Снова слышатся голоса.

– Говорят, скоро будет зябко,
Станут ночи ещё темней...
– А на взвод сапоги да шапка,
Проживи целым взводом в ней...

– Что молчишь, старшина Емелин,
Что, не нравится мой вопрос?..
– Сколько мы ничего не ели?!..
– Что ж ты ужин-то не привёз?..

– Почтальона опять не видно...
– А за почтой ушёл чуть свет...
– Понимаешь ты, что обидно –
Мне давно уже писем нет...

– Может, дома чего неладно?
Всё случается, всё ж война...
– А так хочется, так-то надо
Знать, как дети и как жена...

– На, Петров, отхлебни из фляжки,
Потерпи, попадёшь домой...
– Ну куда ты в одной фуражке
Босиком побредёшь зимой!..

– Ты добудь сапоги и форму!..
– Ты дорогу расчистишь домой!..
– Как ты мёртвый пойдёшь до дому?..
– Ты ведь с нами, в земле, живой...

– Только вместе пробьёмся к свету,
Только вместе побьём врага...
– Я забыл, что такое лето...
– Я забыл, как идут снега...

– Лейтенант! Ну отправь за хлебом,
Я без хлеба уже устал...

– Эх, сейчас бы взглянуть на небо!..
– Может, бой идти перестал?..

– Всё возможно, и наши близко,
Откопают, терпи, сержант.
Мы с тобою под обелиском,
А другие в грязи лежат.

И найдут их, видать, не скоро,
А на днях обещают снег...
– И когда из Мясного бора
Смогут вытащить наших... всех?..

– Хватит! Спать, экономить силы!
Старшина, не пали дрова!..
– Лейтенант, ты скажи, Россия
Всё сражается? Всё жива?..

– Эх, Петров, ты не знаешь меры!
Слышал, пушки в Бородино?
Ты пойми, под землёй без веры
Я бы умер уже давно.

Мы ещё года два протянем,
Не забудет своих страна.
Мы, Петров, поживём, мы встанем!..
Не гаси свечу, старшина!

Контрактники

Контрактники страха не знают,
Не лезут в бою напролом,
Но чести своей не роняют,
Не прячут себя за углом.

И в пекло идут, если надо,
В работе с утра дотемна.
Но жаль, что им часто награды
Посмертно вручает страна.

Газеты про всех не напишут,
Не все возвратятся назад.
А горы Кавказские дышат
И в чистые души глядят.

Уходят контрактники в горы,
Где так неуютно зимой,
Не думая даже, как скоро
И все ль возвратятся домой.

Посадка

Возвращаемся с задания,
Фляжку тёплую деля,
А внизу мелькают зданья,
Чёрно-белые поля.

Хорошо в тепле чумазым,
Каждый радуется, цел:
Бивший в нас «Иглой» промазал
И к Аллаху отлетел.

Вот огни аэродрома
Прорезаются во мгле.
Мы уже почти что дома,
Мы почти что на земле.

Этой зябкою порою
Страшно хочется тепла.
В этот раз над Ханкалою
В нас вонзается «Игла».

Вертолёт, десантом полный,
Всем нутром своим хрипит.
Дальше я уже не помню,
Дальше я уже убит.

Цхинвал

БМД ползут устало,
На броне в пыли десант.
Только города не стало,
Только лампочки висят.

Сквозь разрушенные стены
Провода и провода,
А ещё телеантенны,
Гарь и затхлая вода.

По домам прямой наводкой
Били, руша этажи...
Эта электропроводка –
Словно нить в былую жизнь.

Блокпост

Птицы выклевали ночь
До последней звездочки.
Я живой, и я не прочь
Выпить стопку водочки.

У дороги полевой
Мины вновь зачвакали,
А в деревне под Москвой
Все глаза проплакали.

Жду замену и не сплю
В тишине за блоками.
Я живой, и я люблю
Эту жизнь жестокую.

Не возьмёт меня снаряд,
Снайпер не дотянется,
С битым сотню раз подряд
Ничего не станется.

На плечах моих горят
Две весёлых звёздочки.
Потерпи, Зеленоград,
Скоро выпьем водочки.

Владимир Шигин, капитан 1 ранга запаса

Владимир Виленович Шигин родился в 1958 году в Севастополе в семье офицера ВМФ. Моряк в пятом поколении. Детство провел в гарнизонах Северного флота. После окончания средней школы работал слесарем на заводе, служил матросом на Балтийском флоте. После окончания Киевского высшего военно-морского политического училища продолжил службу на Балтийском флоте заместителем командира МПК и заместителем командира дивизиона тральщиков. Участник маневров «Запад-81» и 8 боевых служб. В 1991 году закончил научно-педагогический факультет военно-политической академии. С 1991 по 1996 год занимал должность заместителя начальника пресс-центра ГК ВМФ, участвовал в переговорном процессе по Черноморскому флоту с Украиной. С 1996 года редактор отдела литературы журнала «Морской сборник».

С 1995 г. член СП России. С 2011 г. ведущий редактор военно-художественной студии писателей МО РФ. Награждён орденом Почета, медалями «За боевые заслуги», «За воинскую доблесть» 1-й и 2-й степени. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат литературной премии им. Валентина Пикуля и литературной премии им. Александра Невского. Автор более 60 книг по истории России и военно-морского флота.

Триумф и драма подводника Грищенко (документальная повесть)

Когда-то его имя не сходило со страниц газет, его дружбой гордились прозаики и поэты, а самые красивые женщины были счастливы, когда он одаривал их мимолётной улыбкой. Ему не было равных в годы войны по количеству уничтоженных вражеских кораблей, а о мастерстве, хитрости и удачливости ходили легенды. Его подчинённые становились адмиралами и пристёгивали к кителям золотые звёзды героев. Он писал книги и научные трактаты. Его ненавидели начальники, и боготворила флотская молодёжь. Он так и ушёл из жизни забытый и непонятый, не доделав ещё многого, что мог бы сделать. Но и ныне его подвиги окружены неким молчаливым табу. Всё это более чем странно, ибо он был не только лучшим из подводных асов нашей державы, но и её настоящим национальным героем...

22 июня 1941 года подводный минный заградитель «Л-3», носивший одновременно ещё и более гордое название «Фрунзевец», встретил в Либаве. В те минуты, когда на западной границе ударили первые залпы Великой Отечественной, командир «Л-3» капитан 3 ранга Грищенко получил приказ о немедленном выходе в море.

К моменту начала Великой Отечественной войны Пётр Грищенко являлся уже одним из опытейших командиров подводных лодок. За плечами бывшего мальчишки из глухой черниговской деревни уже было высшее военно-морское училище, годы службы на различных подводных лодках и военно-морская академия. Выпускников академии в то время командирами лодок не назначали. Флот стремительно рос, и высококвалифицированных кадров не хватало. Выпускники академии шли, как правило, командирами дивизионов, а то и бригад. Несмотря на все это, только Грищенко по окончании академии (причём, с отличными показателями) был назначен командиром подводной лодки, причём по собственному желанию. Столь велика была его тяга к морю и «своему» кораблю.

Едва «Л-3» начала экстренное приготовление к бою и походу, как -новое сообщение, уже о начале войны с Германией. А на выходе из аванпорта подводная лодка была внезапно атакована шестёркой пикирующих бомбардировщиков. Либавский фарватер узок и извилист, но командир «ленинца» всё же исхитрился уклониться от атак и прорваться в море.

Первоначальная задача была, на первый взгляд, несложной: нести дозор в районе маяка Стейнорт и в случае появления неприятельских кораблей атаковать их. До Либавы было недалеко, и иногда, поднимая перископ, Грищенко выдел над городом багровое зарево пожаров: гарнизон и экипажи стоявших в ремонте и взорванных кораблей из последних сил отбивали атаки наседающего врага.

Тогда произошла первая размолвка командира лодки с военкомом Бакановым. Увидев в перископ, что немцы штурмуют Либапу, Баканов заявил Грищенко:

– Хватит нам торчать здесь без дела! Надо всплыть, подойти к берегу и вступить в бой с фашистами, стреляя из пушки!

Разумеется, можно было понять боль военкома, но предложенное им было чистым безумием. Одно семидесятимиллиметровое орудие «Фрунзева», естественно, никак не могло повлиять на развитие ситуации в Либапе, при этом сама лодка была бы в несколько минут неминуемо расстреляна прямой наводкой с берега, так и не успев ничего сделать. Кроме этого Грищенко имел и вполне конкретный приказ. Но убедить в своей правоте Баканова (вчерашнего матроса-моториста, закончившего лишь ускоренные политические курсы) опытному командиру с академией за плечами так и не удалось. Уже по возвращении в базу Баканов напишет донос на Грищенко, в котором обвинит его в трусости как отказавшегося от артиллерийской атаки немецких позиций на берегу. Абсурдность и надуманность этой бумаги будет столь оче-

видна, что её не примут всерьёз даже особы, не говоря уже о непосредственных морских начальниках.

Всё это было так, но нервов командиру «Л-3» псевдопатриотичность его военкома потрепали изрядно.

А затем новая задача: выставить неподалеку от Мемеля минное заграждение. С этим Грищенко справился блестяще. Минная банка была скрытно поставлена как раз на наиболее оживлённом морском «перекрёстке». И результат не заставил себя ждать. Буквально через несколько дней здесь прогремели два мощных взрыва и немцы лишились двух своих груженных транспортов. Позднее, уже после войны, станут известны их названия – «Эгерау» и «Хенни».

Из воспоминаний П. Д. Грищенко: «Идея комбрига Египко идти... в логово врага и закупорить его – меня поразила. Задача нелёгкая и исключительно важная... Мы шли медленно, с каждым часом приближаясь к цели всего на две мили. В перископ, кроме зеркальной поверхности моря да надоедливых чаек, ничего не было видно. Но вот наконец и поворот на курс 90 градусов... До места постановки мин ещё восемнадцать миль, но уже слышны резкие щелчки: это катера-охотники время от времени сбрасывают глубинные бомбы. Первые разрывы потрясают... Ложимся на боевой курс... Не успеваю дать команду – «начать постановку», как раздаётся сильный взрыв. За ним второй, третий, четвёртый... Многие падают на палубу. Гаснет освещение. Часть электроламп разбита. На этот раз бомбы упали рядом с «Л-3». Можно приступать к минной постановке. Глубина моря у порта всего восемнадцать метров. Боцман Настюхин волнуется, ему с трудом удаётся удержать глубину двенадцать метров.

– Пусть лучше старушка тонет, чем покажет свою рубку катерам, – успокаиваю я Настюхина и тут же даю команду – начать постановку мин.

Ритмично защёлкали счётчики. После каждой вышедшей за корму мины слышу по переговорочной трубе голос старшины Овчарова:

– Вышла первая... вторая... третья...

Акустик докладывает:

– Катера полным ходом идут на подводную лодку, пеленг меняется на нос!

– Прекрасно, Дима, – отвечаю громко, чтобы слышали все.

Напряжение растёт. Прямо по носу «Л-3» раздаются четыре сильных взрыва, вслед за ними ещё четыре, и наступает тишина. Снова доклад акустика:

– Катера удаляются.

– Вышла двадцатая, – слышу голос из кормового отсека...

На обратном пути «Л-3» подверглась атаке фашистских противолодочных катеров, пытавшихся забросать её глубинными бомбами, но и здесь Грищенко показал себя как опытный командир. Умелым манёвром он уклонился от катеров, и те ещё долго бессмысленно глушили тротилом обезумевшую балтийскую треску. Но подводная бомбардировка всё же не прошла для минзага даром. От близких разрывов лопнул стяжной борт кормовых горизонтальных рулей. Положение было не из приятных. Лодка трижды внезапно проваливалась на глубину. Пришлось всплыть и в надводном положении выходить на малую глубину, уцелели чудом. Над головой то и дело пролетали немецкие самолёты, спешившие сбросить свой смертоносный груз на наши войска. До темноты Грищенко всё же успел положить подводную лодку на грунт. Ночью, когда удалось всплыть, механик лодки Крастелёв с матросами исправили повреждение в цистерне. Риск для них был при этом огромный: появившись в небе неприятельский самолёт – и лодка будет вынуждена срочно погрузиться, оставив людей погибать в затопляемой цистерне. Но всё обошлось, повреждение устранили, и минзаг начал свой путь в Ригу, где базировался дивизион, куда входила «Л-3». Добраться до Риги, однако, не удалось. Обстановка на фронте менялась столь стремительно, что, пока минзаг был на позиции, пала Либава и бои вовсю шли уже на рижских улицах. Перевести дух подводникам удалось лишь в Таллине, но и последние сутки возвращения тоже были нелёгкими. Лодку дважды по ошибке едва не атаковали наши

сторожевые катера, а затем, в довершение всего, она прошла по нашему же минному полю, о постановке которого штаб Таллинской базы забыл оповестить командира «Л-3». Но, как бы то ни было, свою задачу минзаг выполнил и его первый боевой поход был уже позади.

Прохлаждаться, впрочем, было некогда. Едва подвезли мины и загрузили их, как «Фрунзевец» немедленно вышел в свой второй боевой поход.

Теперь курс подводной лодки был проложен в самое логово врага – в Данцигскую бухту, где «Л-3» предстояло выставить заграждения на выявленных разведкой путях движения противника. Вот скупая хроника отчёта Грищенко о том походе:

«...19.7 – подводная лодка прибыла на позицию.

07.44 – прямо по носу обнаружили два дыма.

08.00 – в расстоянии 50 кабельтов классифицировали цели как 2 тральщика противника, следующие курсом 0 градусов.

08.30 – вступили в кильватер тральщикам и под перископом начали минную постановку.

09.40 – тральщики скрылись.

13.30 – закончили минную постановку и начали отход из района.

18.50 – следуя курсом 340 градусов, слышали сильный взрыв и в перископ увидели на курсовом угле 175 градусов правого борта в расстоянии 60 кабельтовых в районе постановки столб воды и дыма.

Позднее два взрыва в этом районе зафиксировал и подводная лодка Щ-405, находившаяся в смежном районе...

21.7 – весь день на грунте, меняли крышку цилиндра на левом дизеле.

26.7 в 02.19, следуя курсом 360 градусов ходом 10 узлов в режиме винтозарядка, командир подводной лодки обнаружил авиакрейсер «Готланд», однако подводная лодка от встречи уклонилась погружением, так как топлива оставалось только на переход в Таллин и командир решил возвратиться в базу.

С 21.00 27.7 до 06.00 28.7 подводная лодка преследовалась одним сторожевым кораблем и тремя катерами, до 23.00 производивших бомбометание в близком расстоянии от подводной лодки. Шумы внутри подводной лодки сокращали до предела, вплоть до остановки гирокомпасов.

...08.00 – осмотрели горизонт и пустили гирокомпас. Согласно приказу командира 1-й бригады подводных лодок начал движение в точку рандеву, где в 12.00 должны встретиться с тральщиками и катерами.

10.30 – начали рваться глубинные бомбы недалеко от подводной лодки, в перископ обнаружили 2 тральщика и 2 сторожевых катера «МО».

11.00 – всплыли. К борту подошёл сторожевой катер «МО». На вопрос: «Почему бомбите в точке?» – ответили: «Пугаем лодку противника». При таких действиях катеров не исключена возможность потопления своей подводной лодки...»

В 17.00 прибыли в Таллин, а в 23.50 1.8 – в Кронштадт.

Даже скупые строки официального донесения не могут не донести всего того, что довелось пережить Грищенко с его экипажем. Чего стоит только минная постановка при следовании в кильватер фашистским тральщикам. Разумеется, риск был огромный, но и расчет почти гениален, ведь немцы только-только протравив фарватер были совершенно уверены в его полной безопасности и тут же попались на хитрость Грищенко!

В сентябре «Фрунзевец» снова в боевом походе. Обстановка была труднейшая: немцы из всех сил уже рвались к Ленинграду, а у острова Эланд маячил их новейший линкор «Тирпиц», готовый нанести удар по надводным кораблям Балтийского флота, если те попытаются прорваться в Балтику. Этот поход был не только одним из самых трудных за всё время войны, но и едва не закончился трагически. В бухте Суурьооля у острова Готланд подводная лодка была внезапно атакована двумя фашистскими торпедными катерами. К чести подводников,

они открыли огонь сразу же, как удостоверились, что катера не собираются отвечать на позывные. Несколько снарядов поразили головной катер. Уже после войны стало известно, что прямым попаданием был убит командир набеговой операции. Зато катера промахнулись, впрочем, одна из торпед взорвалась совсем рядом с минным заградителем, случайно попав в каменную скалу, оказавшуюся перед самой лодкой. Более не испытывая судьбу, Грищенко тут же погрузился.

Страшный сорок первый год стал для «Л-3» суровой, но необходимой боевой школой. В течение его Грищенко совершил три похода, уничтожив четыре вражеских судна. Много это или мало? Ведь каждый из потопленных гружённых военными припасами транспортов равнялся по значению стрелковому полку. Если принять на веру это соотношение, то за первый год войны Грищенко отправил на дно дивизию противника.

Страшную блокадную зиму 41-42 годов «Фрунзевец» простоял в Неве у набережной Ленинграда. Матросы и офицеры делились последним куском хлеба с умирающими горожанами. Сейчас много пишут о небывалых по тоннажу победах немецких подводников. Но как можно сравнивать условия, в которых сражались наши балтийские подводники с тепличными (особенно в первое время) условиями действия асов кriegсмарине? Как можно сравнивать базирование наших лодок в осаждённом и умирающем Ленинграде с курортным отдыхом в кафешантанах французского Лориана? К 42 году «Л-3» осталась единственным подводным минным заградителем на Балтике. Второй минзаг «Лембит», истратив весь запас английских мин, временно оказался не у дел.

1942 год вошёл в историю Балтийского флота как год страшных потерь подплава. Немцы перегородили Финский залив десятками сетей и сотнями минных полей, стремясь прочно закупорить балтийских подводников в устье Невы, но, несмотря на все их потуги, те всё же прорывались в открытое море, хотя и несли при этом большие потери. Как правило, более половины из уходящих на прорыв в Балтику подводных лодок обратно уже не возвращалась. Трагический конец большинства из них навсегда остался тайной...

В течение блокадной зимы экипаж «Л-3» вместе с рабочими ленинградских заводов досрочно произвёл ремонт подводной лодки. О том, насколько это было важно в то время и чего стоил этот ремонт офицерам и матросам «Фрунзева», говорит хотя бы тот факт, что и командир и механик лодки были удостоены за это боевых орденов. Но Грищенко не был бы Грищенко, если бы удовлетворялся лишь рамками необходимого.

В немногие свободные часы в течение всей зимы он посещает кабинет торпедной стрельбы сотни и сотни раз выходя в учебные атаки. Выкраивая время, успевает прослушать цикл лекций профессора Томашевича по тактике подводных лодок и методах залповой стрельбе веером. Не имея возможности полноценно отработать курсовые задачи, «Л-3» произвела лишь несколько пробных погружений в Неве между Литейным и Охтенским мостами, в месте окрещённым местными остряками «Охтенским морем». К радости Грищенко начальство убрало с лодки военкома Баканова, с которым у командира так и не сложились отношения. Вместо него прислали старшего политрука Долматова. С ним у Грищенко тоже будет хватать хлопот.

В свой четвёртый боевой поход «Л-3» вышла 9 августа 1942 года. На душе моряков было тяжело. Только что наши войска оставили Севастополь, пал Харьков, в огненной мясорубке которого навсегда исчезло сразу несколько армий и теперь немецкие танковые клинья уже рвались к Волге и на Кавказ. Не легче была ситуация и на Балтике, где что ни день, то гибли наши подводные лодки пытаясь прорваться в открытое море или вернуться после похода обратно. Теперь настал черед попытать счастья и для «Фрунзева». Вместе с экипажем в море напросился и писатель-маринист Александр Зонин. Согласно боевому распоряжению Грищенко надлежало выставить западнее острова Борнхольм два минных заграждения, а затем уже начать торпедную охоту за неприятельскими транспортами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.